

НЕЛЛИ ЛИНДГРЕН

311

СИМВОЛ МАТЕРИ—ЗЕМЛИ У ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА И ДОСТОЕВСКОГО

Вячеслав Иванов был теоретиком младших символистов (также называемых соловьевцами или теургами), и теория символизма сложилась под его влиянием. Почти все его современники—поэты также находились под влиянием его философии. Именно как философ и теоретик искусства Вячеслав Иванов оставил глубокий след в культуре своего времени. Как поэт же он стоит особняком, без учеников и последователей.

Поэзия и философия Вячеслава Иванова слиты воедино. Его поэзия служит выражением его философских идей. И поэзия, и философия его имеют в своей основе прежде всего античную культуру, а также мистику, идеализм и понятие соборности. Под соборностью он понимал особую религиозную общность людей, отличную от православия панславистов.

Символизм как литературное направление сформировалось в творчестве младших символистов, около 1904 года, когда были опубликованы первые сборники стихотворений Александра Блока, Андрея Белого и Вячеслава Иванова. Тогда же Вячеслав Иванов начал публиковать свою серию лекций о Дионисе. В 1904 году начал выпускаться журнал Весы, ставший вплоть до 1909 года признанным органом символистов.

Важнейшей проблемой для символистов было противопоставление между действительностью и творчеством, идеей и ее осуществлением, между "восхождением" и "нисхождением" в искусстве. Символизм был не только литературным, но и философским, эстетическим течением, которое выросло в атмосфере предчувствия исторических потрясений, пронизывавшей культурную жизнь России на рубеже XIX-XX веков.

Существенной особенностью поэзии Вячеслав Иванов является ее целостность, проявляющаяся по всем планам. Целостен язык, не меняющийся из сборника в сборник год за годом. Целостна философская система, где крайне разнородные понятия, как, например, язычество и христианство, объединяются главной идеей автора об их преемственности. Целостен мир образов и предметный мир поэзии Вячеслава Иванова: античные и древне-

Сибирь
1940.
LINDGREN
Manner-System
U1 + 2011

русские персонажи присутствуют в первом и последнем его сборниках. В этом отношении поэзия Вячеслав Иванов статична. Целостна и сама структура сборников, где стихотворения объединены в законченные циклы.

Целостность эта необходима и естественна для Вячеслава Иванова. Его поэзия не интимна, а логична, построена по тем же принципам, что философский трактат. Бахтин отмечал, что "У Иванова же все идет по логическому пути... Если для поэтов обычно характерно психологическое и биографическое единство, то у Вяч. Иванова единство чисто систематическое. Все темы его поэзии представляют очень сложную единую систему".¹

Поэзия Вячеслава Иванова составляет единое целое с его философскими работами и литературно-критическими статьями. Все его работы по существу служат одной цели, согласующейся с общей целью символизма: открыть суть за символами, разъяснить загадочное, показать единство всех культур и эпох в центральных символах. Важнейшим из них для Вячеслава Иванова был символ Матери-Земли, объединяющий жизнь и смерть, человека и Бога, гордость и смирение.

Вячеслав Иванов выделяет три начала бытия: восхождение, нисхождение и хаос. Восхождение это путь индивидуальности, гордое самоутверждение человека, *hybris*, разрыв с землей. Оно несет страдание и гибель. Нисхождение это примирение, возвращение к земле, единение индивида с Богом и людьми. Третье начало хаотическое, дионисийское, материальное. Оно также противопоставлено восхождению, т.к. дионисийское начало антииндивидуально, внелично.

Эти три начала Вячеслав Иванов применяет и к творческому процессу. Хаос, дионисийское начало основа искусства, происходящего из оргазма, экстатического состояния души. Восхождение это восторг постижения, а нисхождение способность выразить постигнутое. Все три начала связаны воедино.

Дионисийство и христианство

Представление Вячеслава Иванова о Боге основывается на образах Диониса и Иисуса Христа, с одной стороны, и на идее стра-

1. М. М. Бахтин, Эстетика словесного творчества (Москва: Искусство, 1979), с. 377.

дающего Бога с другой. Образ Диониса переплетается с Паном, богом лесов, создателем свирели, покровителем пастухов. Пан, культ которого после II в. до н.э. был тесно связан с Дионисом и даже смешивался с ним, олицетворяет всю природу, приближаясь к образу всеобъемлющей Софии-Премудрости Владимира Соловьева. И Дионис, и Христос неразрывно связаны со страданием и смертью. Иисус Христос распят добровольно, как жертва, спасающая человечество, а Дионис отдаёт себя на растерзание менадам.

Установлению связи между божеством, страданием и смертью посвящено *Солнце Эммауса*, о котором Бахтин замечал: "Страдание, смерть и торжество божества одно и то же. При всяком углублении религиозной мысли, когда божество становится абсолютным началом всего бытия, оно неизбежно становится символом страдания и смерти".²

Лишь огневою болю
Пронзенный, ты велик.
(Огненосцы. Cor Ardens).

Такое понятие о божестве, по мнению Вячеслава Иванова, легло в основу трагедии и эпоса. Трагический герой – тот, кто приобщается к страданиям Диониса/Бога. В озарении религии Диониса весь мир принимает обличие страдающего бога. Через страдание и жертву человек приходит к воскресению в новую жизнь.

Родство между культом Диониса и позднее его продолжением – движением орфизма – и ранним христианством подтверждается также сходством их распространения, в каждой религии это – бог "малых мира сего", угнетенных, кротких, бог бедняков, женщин и рабов.

Культ Диониса также привлекал Вячеслава Иванова своей массовостью, близко стоявшей к его понятию соборности. Определив кризис современной ему культуры как кризис индивидуализма, Вячеслав Иванов видел разрешение его в соборности, хоровом начале. Термины эти заимствованы от славянофилов, но у Вячеслава Иванова они охватывают не только православие и тему религиозной избранности Руси, но и массовую культуру Диониса.

2. Там же, с. 380.

Кризис культуры для Вячеслава Иванова закономерен, как и неверие в Бога среди его современников. Религия, забывшая плоть, превращается в мертвую схоластику, и поэтому закономерно обращение людей к социализму или анархизму. В этом Вячеслав Иванов принял идеи Владимира Соловьева о том, что религия должна соединить дух и плоть, а также веру и закон. Христианство как чистая идея, вера, оторванная от жизни, перестало быть действенным. Воплощенная же идея действительна. Через воплощение, страдание, отрицая свою свободу, душа мира - София, продолжает свое развитие. Человек должен выбрать свой путь, пройти это движение: восхождение из Хаоса и нисхождение (смирение):

Из Хаоса, из черного,
Раждается Звезда ...
Из Нет, из непокорного,
Возстав святое Да

(Огненосцы, Cor Ardens).

Вячеслав Иванов связывает рождение и жизнь - со смертью (прах - пчела, сох благоухая; *Персть*), лоно матери - с гробом ("лоно рождений стало гроб" *Земля*). Мысль о тождественности рождения и смерти Вячеслав Иванов воспринял из работы И.-Я. Баховена "Материнское право", 1861,³ установившего, что у так называемых примитивных народов смерть понималась как рождение. В обряде погребения земля олицетворяла лоно матери, поэтому усопших хоронили в положении зародыша.

Стихотворения *Персть* и *Земля* из сборника *Кормчие звезды* являются яркой иллюстрацией того, как Вячеслав Иванов осуществляет свои идеи в поэзии.

Название сборника

Слово *кормчий* значит ведущий, указывающий путь (от древнерусского *кърмъчии* - рулевой). В старину кормчими называли особо яркие звезды, по которым определяли свой путь корабли. Кормчей книгой назывался сборник церковных и светских законов в Древней Руси, созданный на основе трудов и писем апостолов и отцов церкви. Звезда символизирует Иисуса Христа у Иванова (см. Огненосцы, Cor Ardens).

3. Там же, примечание.

Персть

Персть

Воистину всякий пред всеми за
всех и за все виноват.

Достоевский.

День белоогненный палил;
Не молк цикады скрежет знойный;
И кипарисов облак стройный
Витал над мрамором могил.

Я пал, сражен души недугом ...
Но к праху прах был шедр и добр:
Пчела вилась над жарким лугом,
И сох, благоухая, чобр ...

Укор уж сердца не терзал:
Мой умер грех с моей гордыней, –
И, вновь родним с родной святыней,
Я Землю, Землю лобызал!

Она ждала, она прошала –
И сладок кроткий был залог;
И все, что дух сдержать не мог,
Она смиренно обещала.

1895 — 1902

В древнерусском языке слово *персть* значило прах, пыль, земля. В первом издании в комментарии указывается, что стихотворение написано после посещения кладбища Campo Verano в окрестностях Рима весной 1895 года. Стихотворение, таким образом, отражает конкретную ситуацию и начинается описанием конкретного (насколько возможно для Вячеслава Иванова) пейзажа, но уже со второй строфы он переключается на философскую тему гибрис/примирение.

Эпиграфом к стихотворению служат слова старца Зосимы из романа Достоевского Братья Карамазовы (Кн. 6, гл. 2): "Воистину всякий пред всеми за всех и за все виноват". Строка в стихотворении "Я землю, Землю лобызал!" также является скрытой

цитатой старца Зосимы: "Люби повергаться на землю и лобызать ее" (кн. 6, гл. 3).

Цитата эпитафия и круг понятий: Землю лобызать, грех, гордыня, прощение (все скрытые цитаты из Достоевского), отражают тему идейного мира Достоевского, важную для Вячеслава Иванова — тему спасения человека через искупительное страдание, а также тему ответственности всех за всех и, шире, идею единства всего человечества:

Уже в "Преступлении и наказании" Достоевский, к своему ужасу, открыл истину, которой он впоследствии придал вес догмы: истину о вине всех людей за всех и все. Это ужасное открытие разверзло перед ним еще одну бездну, устрашающую и озаряющую одновременно: он начал постигать, что все человечество — это один человек".⁴

Следует указать, что статьи Вячеслава Иванова о Достоевском были написаны и опубликованы после сборника *Кормчие звезды*, как и приводимые здесь примеры из сборника *Cor Ardens*. Однако представляется, что они могут быть использованы как источники понимания философской системы Вячеслава Иванова, поскольку поэзия его статична, по крайней мере от первого сборника и до 1930-х годов. Последний сборник поэта *Свет вечерний* несколько отличается и по языку, и по содержанию.

Иванов видел основу творчества Достоевского в мифологическом представлении о Матери-Земле, в сочетании с представлениями гностиков о "Душе мира", ее падении и спасении. Миф этот повествует о человеке, одержимом сатанинскими идеями индивидуалистического самоутверждения (Иван Карамазов, Раскольников). Человек восстает против Матери-Земли, которая мстит ему до тех пор, пока он через смирение и страдание не примиряется с нею. Свое представление о художественном мире Достоевского Вячеслав Иванов развивает в ряде статей о нем, опубликованных в 1910-х годах.⁵

4. V. Ivanov, *Freedom and the Tragic Life* (New York, 1957), с. 83, цит. по: И. Б. Роднянская, "Вяч. И. Иванов. Свобода и трагическая жизнь. Исследование о Достоевском (Реферат)", в: Достоевский. Материалы и исследования (Москва: Наука, 1980), с. 225.

5. Список см. в Роднянская, "Вяч. И. Иванов", с. 218.

Стихотворение *Персть* представляет собой философский мир Вячеслава Иванова в миниатюре. Оно строится на идеях поэта о единстве жизни и смерти, и на представлении о Матери–Земле и ее отношениях с человеком. Движение в стихотворении строится следующим образом:

Первая строфа создает атмосферу античности: белоогненный (ср. словообразования, типичные для классической греческой литературы, типа *розовоперстый*), цикады, знойный, кипарисы, мрамор. Вторая строфа – это первое действие общечеловеческой трагедии: отрыв человека от Матери–Земли, гордыня ("души недуг"). Но кротость и всепрощение Матери–Земли преодолевают недуг индивидуализма, прах (Земля) щедр и добр к праху (человеку, ибо человек есть не более чем прах). Третья и четвертая строфы – примирение с Матерью–Землей, прощение – в результате смирения, символизируемого здесь, как и у Достоевского, лобзанием Земли.

Земля

Земля

Κλη΄ζετε ματε΄ρα Γαιαν.

Orac. Dodon.

Τα΄δε γαρ με΄λε΄ εστι τα Πανο΄ς
Orph.

Братья! уйдем в сумрак дубрав священный,

На берега пустынных волн !

Чадам богов посох изгнания легок –

Древней любви расцветший тирс!

Ах! по Земле, по цветоносной, много

Светлых полян для куш святых:

Много полян ждут ваших уст приникших

И с дифирамбом дружных ног!

И по Земле, по цветоносной, много,

Братья любви, Голгоф святых:

Куши дерев ждут ваших рук простертых,

Терние ждет багряных роз!

Матерь зовет в сени дремучей дуба:
 Вещий, зашепчет древний дуб
 Взропшет она о воздохнет над вами:
 "Жив ли мой Бог? Кто жив живит!"

"Ах! не Земля, - дети, вам мать - Голгофа
 С одного дня, как умер Он!
 С ним умерла, дети, Земля! О, дети!
 Жив ли мой Бог?.. Кто жив - живит!"

Руки мои руки Его прияли:
 В древе Его Объяла я.
 Язвы Его руки мои язвили.
 Лоно рождений стало гроб.

"И не Земля, дети, вам мать - Голгофа
 С одного дня, как распят Он,
 С одного дня, как Немезидой неба
 Распят по мне великий Пан!.."

Братья тогда лоно Земли лобзайте,
 Плачьте над ней: "О, мать, живи!.."
 -"Бог твой воскрес!" благовестить дерзайте:
 "Бог твой живет - и ты живи!.."

Стихотворение освещает другой аспект той же темы Матери-Земли -- связь языческого культа Диониса и христианства. Вячеслав Иванов не противопоставлял их, а считал, что языческие религии античности "несут свои воды в океан христианства". Он также считал, что в том и состоит задача поэта-символиста -- открыть эти всегда существующие связи между различными пластами, эпохами, как античность, средневековье, Возрождение и современность.

Первые четыре строфы описывают своеобразное ивановское слияние языческих и христианских символов. Следующие четыре строфы поднимают важную для Вячеслава Иванова тему примирения с Богом/Матерью-Землей через смирение и принятие Христа/Диониса/Пана.

Первый эпиграф взят из надписи на Додонском оракуле и значит: "Зовите матерью Землю". Второй эпиграф значит: "Все это члены Пана", и заимствован из орфического гимна. В связи с

эпиграфом становится понятным упоминание священного дуба. Додонский оракул, старейший в древней Греции, располагался в священной дубраве Зевса, вокруг древнего дуба. Самой ранней формой оракула была та, при которой священники толковали ответы богов на вопросы из шума листвы, скрипа дубовых ветвей и крика птиц.

Закономерное переплетение многих символов делает очевидной одну из основных мыслей Вячеслава Иванова о единстве язычества и христианства, о преемственности культа античных богов и христианства:

символы христианства	символы язычества античности
Братья чадам богов расцветший (жезл)	дубрав священных посох изгнанья тирс
Земля уст приникших Голгоф терние, розы	цветоносная (Гея) куш святых, дифирамб куши дерев розы багряные

Стихотворение начинается христианским обращением – Братья! Вторая строка – на берегу пустынных волн! – уже несет конфликт (гибрис). Эти строки – косвенная цитата из поэмы Пушкина "Медный всадник" – подключают к смысловому ореолу города, во всей литературе XIX века являющегося символом человеческого самоутверждения, гибриса, восстания против законов небесных и земных:

В этой призрачной Пальмире,
В этом мареве полярном,
-
В этом мороке победном
Медно-скачущего Гнева...

(Медный всадник. Cor Ardens).

Эти цитаты близки к изображению Петербурга Достоевским как создания больной фантазии (напр. в романах *Подросток* и *Бесы*). Вячеслав Иванов понимал образы Раскольников в *Преступлении и Наказании* и Германа в *Пиковой Даме* как вари-

анты той же темы: восстание человека против Матери-Земли.⁶ И Раскольников, и Герман сталкиваются со старой женщиной – мистическим существом, посланницей Матери-Земли, становящейся их жертвой и одновременно их судьбой:

"Какая роковая сила стоит за этими личинами? Не мстительница ли это, восстающая из тьмы, одна из тех сил Земли, что могут приносить и счастье, и горе ... Не посланница ли она Матери-Земли, гневно противящейся предезрким и самонадеянным притязаниям призрачной гордости, буйным попыткам силою отменить решения вечной Фемиды?"⁷

В двух следующих строфах, построенных параллельно, приравниваются языческое почитание Диониса и христианское почитание Христа:

по Земле ... много светлых
полян для куш святых
поляны ждут уст
приникших

по Земле много ...
Голгоф святых
терние ждет багряных роз

В выражение "терние ждет багряных роз" терние (терновый венец) олицетворяет Иисуса Христа. Роза же – символ многозначный. Символ розы очень широк у Вячеслава Иванова: кроме традиционного католического значения как богородица или церковь, у него роза: душа, чистота, христианство, жизнь – а значит и смерть, соловьевская душа мира, любовь, невеста. В паре же *роза – лилея* роза – символ античной любви к жизни, полнокровной радости, плодородия, символ земного, материального в противовес небесному:

И медлит весть: тебе-ль нам цвезть, лилея
иных полей?

Ахь, розы мед, что пчел зовет, алея, –
Земле милей

(25 марта 1909. *Speculum speculorum*)

6. Там же, с. 221-22.

7. Ivanov, *Freedom and the Tragic Life*, с. 75-76, цит. по: Роднянская. "Вяч. И. Иванов", с. 222.

Золотые рдеют пчелы
 Над кострами рдяных роз.
 Млеют нарды. Бьют Пактолы.
 Зреют гроздьа пьяных лоз.

-
 Розы красные стелю я -
 Искушений страстных одр.

(Сад роз. Эрос.)

Красные, алые, багряные розы, манящие пчел - символ язычества, а терние и лилея - христианства. Но они не противопоставлены, а соединены в одно целое:

Ты, Суший, -не всегда ль? и, Тайный, -не везде ли, -
 И в гроздьах жертвенных, и в белом сне лилей?
 Ты - глас улыбчивый младенческой свирели;

Ты - скалы движущий Орфей.

(Лицо. Cor Ardens)

Первые три строфы - первая часть стихотворения, в целом имеющего, как и *Персть*, и как теория Вячеслава Иванова о Достоевском, трехчастную структуру. Четыре последующие строфы составляют вторую часть - обращение Матери к детям. Последняя строфа - третья часть - примирение детей с Матерью / спасение Земли через Воскресение Христа. Части отделены друг от друга переменой действующего лица. В первой части - обращение лирического героя / автора к братьям по вере, во второй - обращение Матери к своим детям, в третьей - снова голос автора.

Слова-понятия *Мать* и *Земля* в стихотворение находятся в сложных взаимоотношениях. В строфах пятой и седьмой они противопоставлены:

...не Земля, - дети, вам мать - Голгофа.

Но в последней строфе оба символа сливаются воедино: после воскрешения Бога становится возможным найти Мать в лице Земли.

Братья тогда лоно Земли лобзайте,
 Плачьте над ней: "О, мать, живи!..."

Он в стихотворении символизирует Иисуса Христа, а с ним и Пана, Диониса – страдающее божество как таковое. Много символов связаны непосредственно с мотивом распятия: Голгофа, терние, багряные розы, язвы Его, выражение "лоно рождений стало гроб", и, наконец: "Немезидой неба распят великий Пан".

Повторяющиеся строки:

Жив ли мой Бог, кто жив - живит!

-

О мать, живи!..

-

Бог твой живет - и ты живи!..

непосредственно связаны с евангельскими словами о Боге как живительной силе: "Жив я, и славы Господней полна вся земля" (Моис. 14:21), "Я живу, и вы будете жить". (Иоанн, 14:29).

В заключительной строфе, начинающейся, как и первая, восклицанием "Братья!" и ключевыми словами о лобзании Земли, происходит примирение с Матерью-Землей и Воскресение Бога, через Воскресение – примирение. Понятия *Матери* и *Земли* сливаются воедино.

Стокгольмский университет